

УДК 339.9:004

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТОВ
ГОСУДАРСТВА**

НАУМЕНКО Р. В.

*аспирант кафедры мировой экономики ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: naumenko23011994@gmail.com*

НЕСТЕРЕНКО Е. С.

*ассистент кафедры экономической теории ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: Nesterenko.E.S@yandex.ru*

В данной статье авторами рассмотрено значение цифровой экономики для России с позиции мировой экономики. С помощью выбранных индикаторов проведен сравнительный анализ процесса цифровой трансформации экономики России с основными странами–партнерами. Выявлены основные проблемы формирования и развития цифровой экономики в России. Сделан вывод о том, что указанные вызовы экономической цифровизации имеют структурно-системный характер, что усложняет процесс их преодоления.

Ключевые слова: цифровая экономика, индекс мировой цифровой конкурентоспособности, индекс развития информационно-коммуникационных технологий, глобальный индекс инноваций, внешнеэкономическое положение России, информационно-коммуникативные технологии.

ВВЕДЕНИЕ

Цифровая инновационная экономика является трендом экономического развития мировой экономики второй декады XXI века. Применение цифровых технологий предполагает формирование новых точек экономического роста, обеспечивающих устойчивый долгосрочный эффект. Приобретая признаки ключевого элемента экономического развития государства, цифровая экономика олицетворяется с масштабными трансформациями экономических отношений, основанными на изменении моделей организации производства и сбыта. Это

приводит к появлению новых драйверов роста экономики, что особенно актуально для России.

Государство имеет существенные внутренние дисбалансы, включающие мононаправленность экономики и неблагоприятный инвестиционный климат. Положение усугубляет сложная внешнеполитическая обстановка, которая, несомненно, оказывает негативное воздействие посредством экономических санкций. В сложившихся условиях Россия стремится структурно и географически переориентировать собственную экономику, избрав курс технологического инновационноориентированного государства [1, с. 118].

Цель данной работы – выявление позиций России в системе общемирового развития цифровой экономики с учетом экономических приоритетов государства и определение комплекса сопутствующих проблем.

Вопросы перехода России к цифровой экономике являются предметом широкого круга исследований таких ученых, как Куприяновский В. П., Сиягов С. А., Добрынин А. П. [2], Абдрахманова Г. И., Вишневский К. О., Гохберг Л. М., Волкова Г. Л. [3], Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. [4], Попов Е. В., Сухарев О. С. [5], Кошевенко С. В. [6], Рихтер К. К. [7], Суслова А. Н. [8], и др. Однако сегодня значение данного процесса в масштабе геоэкономических перспектив государства остается неопределенным.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

В современном мире наблюдается глобальная трансформация социально-экономических основ существования стран и регионов. Происходит изменение субъектов, усложнение объектов и модификация форм взаимодействия контрагентов. Цифровая экономика индуцирует развитие системы государственного управления, социальной среды и бизнеса, что является движущей силой инновационного и устойчивого роста [9, с. 7]. Это обуславливает становление нового технологического уклада, предусматривающего существование нано-, био- и информационных технологий, а также эволюцию роли человека в экономике [10, с. 22].

Данные преобразования затронули также экономику России, послужив базисом масштабного внедрения цифровых технологий. Это сопровождается изменением внутригосударственного курса экономического роста, смещая вектор действий в сторону прорывных технологий, инфраструктуры широкополосной связи и кибербезопасности [11, с. 2].

Следует отметить, что особое значение для России имеет цифровая экономика с позиции геоэкономики. Богатство природными ресурсами и географическая близость с мир-экономикой Европы обусловили структуру внешней торговли (сырье и полуфабрикаты экспорта, высокая степень переработки и готовая продукция импорта), которая предполагает низкие темпы экономического роста и комплексную зависимость от ситуации на мировых рынках [12, с. 116]. Перспективы внешнеэкономической деятельности государства напрямую связаны с повышением конкурентоспособности продукции и увеличением доли в экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью. Следовательно, цифровая экономика для России

является инструментом преодоления «Голландской болезни», позволяющим диверсифицировать структуру экспорта в части конкурентоспособных инновационных направлений, что является залогом качественного роста экономики [13].

Массовое внедрение цифровых и информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) ускорит и сделает прозрачнее многие государственные и негосударственные процессы, позволит сократить издержки, повысить производительность труда, а также приведет к острому дефициту кадров в совершенно новых сферах хозяйственной деятельности. В долгосрочной перспективе экономике потребуются высококвалифицированные специалисты для разработок и поддержания концептуального инновационного оборудования и программного обеспечения. Цифровая экономика способна решить насущные глобальные и социальные проблемы, упростить торговые коммуникации между Россией и ее партнерами и создать новые возможности для предпринимательства и трудовой деятельности общества [14, с. 70].

По данным Глобального института McKinsey, цифровая революция XXI века по масштабам сопоставима с промышленной революцией XVIII–XIX веков (в ближайшие 20 лет до 50 % рабочих операций могут быть автоматизированы), что обуславливает большое значение данных преобразований в контексте определения лидерства в мировой экономике [15, с. 6].

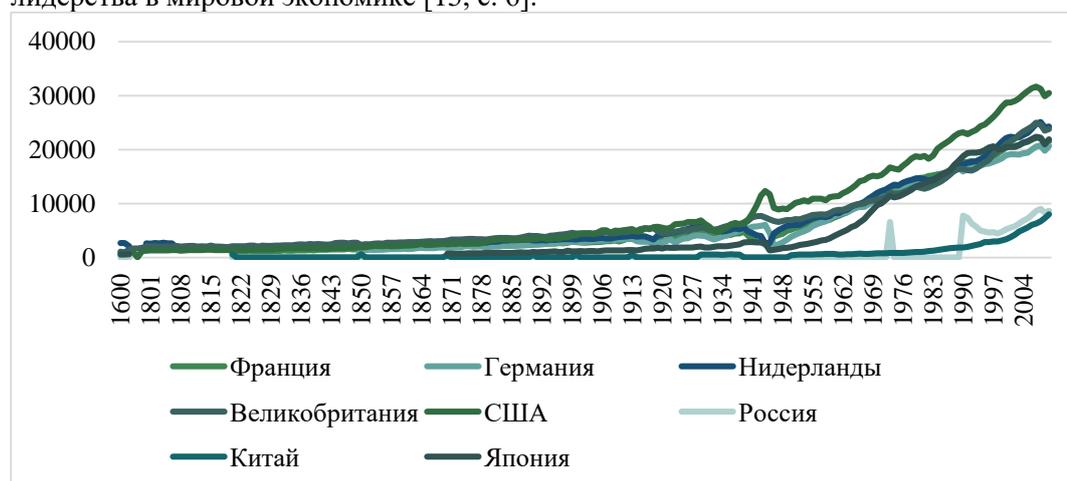

Рисунок 1. Динамика ВВП на душу населения для некоторых стран с 1600 по 2010 гг.

Источник: составлено авторами на основе [16]

Анализируя степень воздействия данного процесса на экономику России, необходимо учитывать ее экономические амбиции. Страна позиционирует себя в качестве экономически суверенного актора внешнеэкономической деятельности, несмотря на уменьшение влияния в последние годы (10 место в мире по объемам ВВП). В сложившейся ситуации активизация внутриэкономической трансформации цифрового характера приобретает статус внешнеэкономической перспективы, что

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

особенно актуально в условиях отставания от стран–лидеров по данному направлению на 5–8 лет. Более того, если текущие темпы роста доли цифровой экономики России останутся на прежнем уровне, то к 2020 году, в силу высокой скорости глобальных изменений, разрыв между Россией и лидирующими странами будет составлять 15–20 лет [17]. Текущее положение государства по данному вопросу предполагает для России роль вторичного догоняющего субъекта, обладающего существенной технологической зависимостью [18, с. 13].

Согласно годовому отчёту государственной корпорации «РОСТЕХ» за 2016 год, доля цифровой экономики в ВВП развитых стран с 2010 по 2016 год выросла с 4,3 % до 5,5 %, а в ВВП развивающихся стран – с 3,6 % до 4,9 %. В странах «большой двадцатки» данный показатель вырос за пять лет с 4,1 % до 5,3 %. Мировым лидером является Великобритания с показателем 12,4 % (рис. 2).

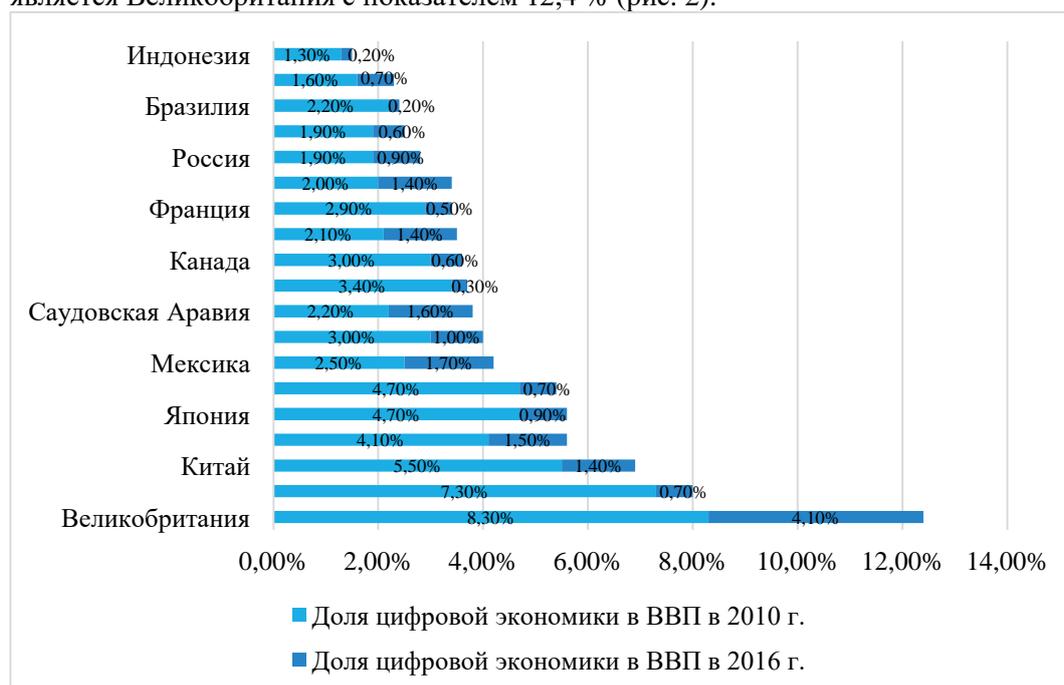

Рисунок 2. Рост доли цифровой экономики в ВВП стран G20 с 2010 по 2016 год
Источник: составлено авторами на основе [19].

Доля цифровой экономики в ВВП России в 2016 году составила 2,8 % или 75 млрд долларов. Значительная часть (около 63 млрд долларов) приходится на сферу потребления (торговля через интернет, пользование интернет–услугами, поиск онлайн и покупки офлайн). Доля интернет–торговли во всех продажах России с 2010 по 2016 гг. увеличилась почти в 2 раза (с 1,7 до 3,2 %). По данным Boston Consulting Group, межотраслевой эффект цифровизации с 2010 года увеличился в 5,5 раз, составляя 27,7 трлн руб. Этот результат достигнут с помощью внедрения платформ электронных торгов, роста операций по банковским картам, роста популярности модели РОРО («ищи онлайн, покупай офлайн») и онлайн–рекламы. По данным

Всероссийского омнибуса GfK, наблюдается улучшение состояния инфраструктуры России, в первую очередь, по уровню проникновения интернета (70,4 % от общей численности населения в 2015 году).

Несмотря на это, среднестатистический прирост доли цифровой экономики в ВВП в странах G20 за период с 2010 по 2016 гг. составляет 1,1 %. Китай и Индия имеют рост на 1,4 и 1,5 % соответственно, что вызывает дополнительные опасения для России ввиду масштабов экономики стран и значения государств в БРИКС. В сложившейся ситуации существует объективная необходимость проведения сравнительного анализа процесса цифровой трансформации экономики России с основными странами–партнерами. Выбор индикаторов обусловлен потребностью предоставления комплексной оценки уровня развития инноваций, учитывающей способности страны к принятию, внедрению, изучению цифровых технологий и достижений с точки зрения развития ИКТ. Поэтому для проведения анализа было отобрано три показателя, удовлетворяющие задачам исследования: Индекс мировой цифровой конкурентоспособности (WDCI), Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (IDI) и Глобальный индекс инноваций (ГИ).

WDCI включает в себя три ключевых фактора цифровой конкурентоспособности: знания (таланты, образование, научная деятельность), технологии (нормативно-правовая база, капитал, технологическая основа), готовность (способность к адаптации, гибкость бизнеса, уровень интеграции ИТ) [20].

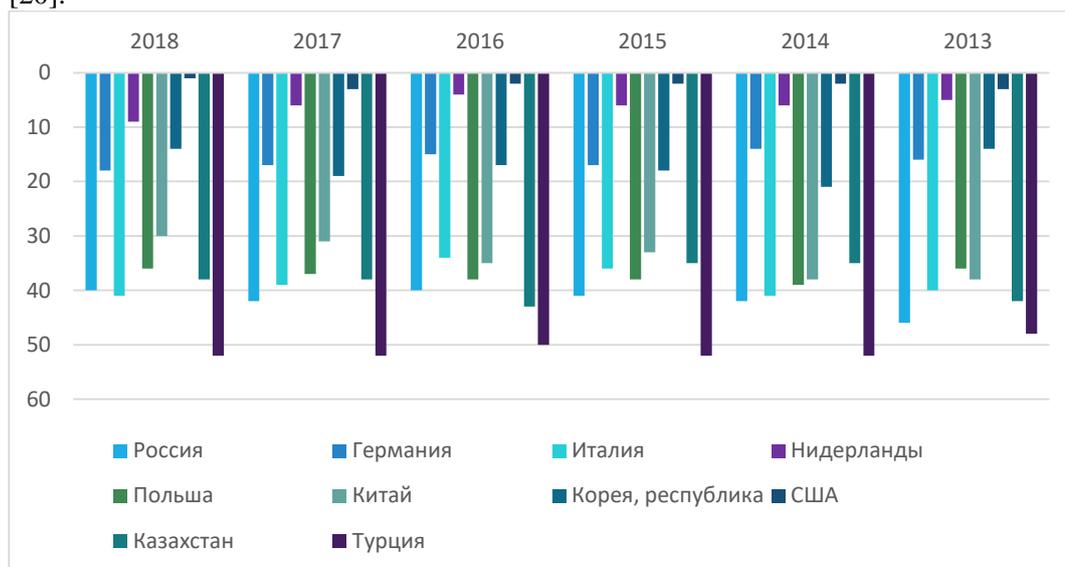

Рисунок 3. Позиция России и основных стран–партнеров в рейтинге WDCI 2013–2018 гг.

*В рейтинге участвует Китайская Народная Республика за вычетом Гонконга, Макао и Тайвани.

Источник: составлено авторами на основе [20, 21].

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

В 2018 году представленный рейтинг возглавляли США. Китай, несмотря на существенный внешнеэкономический потенциал, по данному показателю занимал 30 место. К ключевым проблемам цифровой экономики КНР относятся цифровое неравенство между различными регионами государства, неблагоприятная нормативно-правовая база и сетевая безопасность [22, с. 39–40]. Следует отметить ширину цифровой конкурентоспособности стран–партнеров России, являющуюся признаком важного актора мировой экономики, несмотря на сравнительно слабые цифровые показатели.

По сравнению с 2013 годом Россия поднялась на 6 позиций в рейтинге (40 место). Базисом конкурентоспособности страны является система образования (12 место в рейтинге). Критична ситуация с капиталовложениями в ИТ сфере, технологической оснащенностью и гибкостью бизнеса (58 и 63 место соответственно). Это типично для стран постсоветского пространства, что обуславливает их положение по результатам оценки. Тем не менее, Россия уступает Казахстану 2 позиции в рейтинге, что в перспективе представляет собой формирующееся противоречие внутри ЕАЭС (отсутствие экономического подкрепления геоэкономических амбиций государства в регионе).

Таблица 1

Сравнение значений субиндексов WDCI России и Казахстана 2013 и 2016 гг.

Год	Название категории	Россия	Казахстан
2018	Знания	24	35
	Технологии	43	39
	Готовность	51	40
2013	Знания	32	48
	Технологии	49	40
	Готовность	56	34

Источник: составлено авторами на основе [20, 21].

Качество образования существенно выше в России. Страна обладает более квалифицированными выпускниками, обладающими технологическими навыками, что подтверждается высоким уровнем заинтересованности со стороны иностранных абитуриентов. При этом готовность общества и представителей бизнеса к цифровым изменениям более явно проявляется в Казахстане. Страна занимает 6 место по уровню обеспечения исполнения контрактов и 5 место по уровню высокотехнологичного экспорта (почти в 2 раза превосходит значение России). Степень инвестиционного риска в странах приблизительно идентична. Казахстан превосходит Россию по уровню развития рынка Big Data, что является одним из ключевых недостатков гибкости российского бизнеса. Положение России усугубляет негативное отношение к глобализации и слабая гибкость компаний в отношении технологических трансформаций. В качестве основной причины следует выделить существенную долю государственного участия в экономике. МВФ оценивает данный показатель на уровне 33 % [23], а ФАС дает более радикальную оценку – 70 % [24, с. 9].

IDI состоит из 11 показателей, соединенных в 3 субиндекса: доступ к ИКТ (отображает развитие инфраструктуры ИКТ и доступ населения к основным услугам, предоставляемым с помощью ИКТ), использование ИКТ (показывает уровень применения ИКТ), навыки использования ИКТ (отражает человеческий потенциал в употреблении ИКТ) [25].

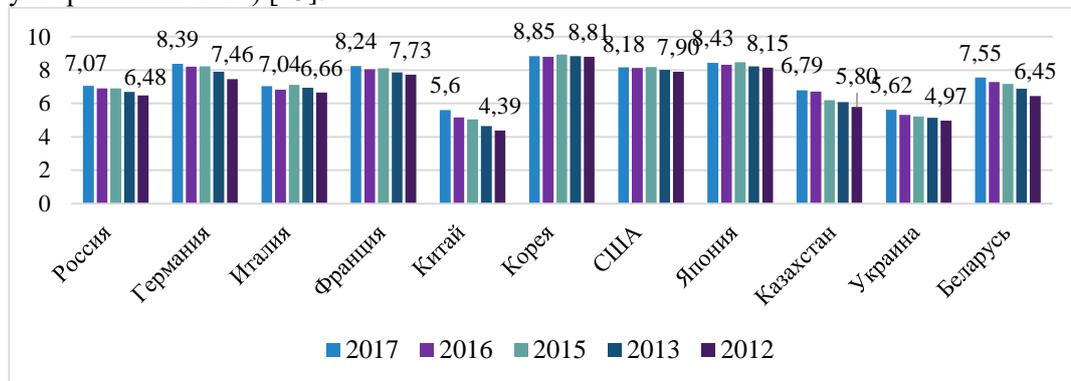

Рисунок 4. Значение IDI для основных торговых партнеров России за 2012–2017 гг.
*В рейтинге отсутствует 2014 год.

Источник: составлено авторами на основе [26].

Среднестатистический показатель в мире по данному индексу составляет 5,11 единиц. Страны Европы являются ведущим макрорегионом по развитию ИКТ (7 из 10 стран в первой десятке IDI). Из неевропейских государств особое положение занимают Южная Корея и Гонконг (2 и 5 место соответственно). Среди государств СНГ только Россия (7,07) и Беларусь (7,55) находятся в первичном квартиле. Казахстан занимает 52 место (6,79). Как отмечают эксперты, рост IDI прямо пропорционален уровню экономического развития государства: высокий в развивающихся странах (Китай – 22 %, страны ЕАЭС – 17–18 %), низкий – в развитых. Одним из исключений является Россия, в которой рост IDI с 2012 по 2017 гг. составил 9 % [25].

Схожие (с WDCI) проблемы потенциального геоэкономического доминирования в регионе страна испытывает и по результатам оценки IDI. Россия уступает 12 позиций Беларуси, которая в 2016 году вошла в 10 наиболее развивающихся стран по данному направлению. Масштаб отставания России соизмерим с темпами цифрового развития страны.

Таблица 2

Сравнение значения субиндексов IDI Беларуси и России за 2017 год.

Субиндекс	Россия	Беларусь	Отставание России, %
Доступ к ИКТ	7,23	7,87	8
Использование ИКТ	6,13	6,54	6
Навыки использования ИКТ	8,62	8,93	3

Источник: составлено авторами на основе [27]

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

Анализ субиндексов стран показал, что Россия уступает Беларуси по всем индикаторам IDI. Наибольшее отставание наблюдается в рамках категории «Доступ к ИКТ». В стране существует проблема с фиксированным и мобильным широкополосным доступом в сельской местности или отдаленных регионах, а также с интенсификацией использования Интернета домашними хозяйствами. Более того, недостаточный уровень социально-экономического развития многих регионов в совокупности с низкой цифровой грамотностью является причиной отставания индексов использования и навыков на 6 % [28, с. 44; 29]. Успех Беларуси во многом связан с успешной реализацией Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития до 2030 г.

Рейтинг ГИ охватывает 127 стран, на которые приходится 98 % мирового ВВП. Индекс включает в себя 81 индикатор инновационной деятельности, группирующиеся по семи основным направлениям: институты, человеческий капитал, инфраструктура, развитие рынка, развитие бизнеса, развитие технологий и экономики знаний и развитие креативной (творческой) деятельности [30].

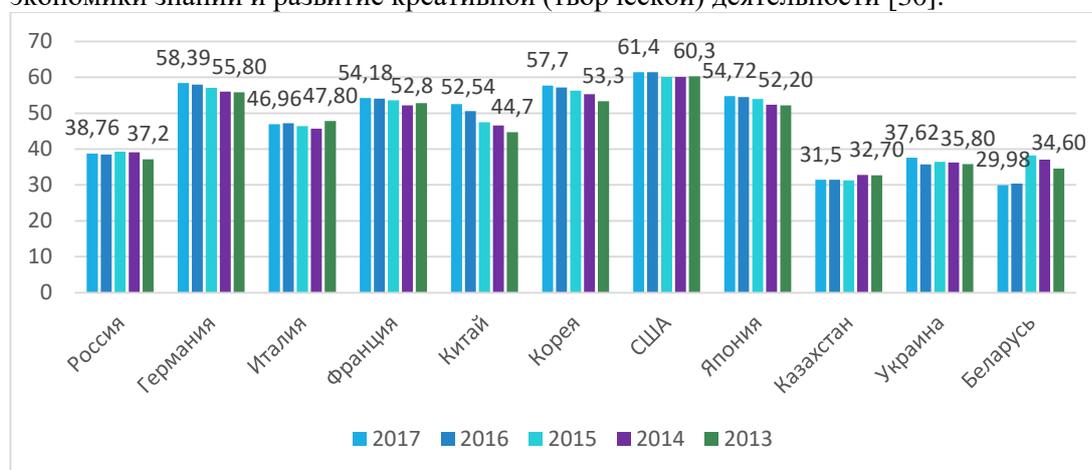

Рисунок 5. Значение ГИ для основных торговых партнеров России за 2013–2017 гг. Источник: составлено авторами на основе [30].

В настоящее время сохраняется разрыв в инновационных возможностях развитых и развивающихся стран, а также наблюдается замедление темпов роста активности в сфере исследований и разработок (НИОКР) как на государственном уровне, так и в частном секторе. Исключением является Китай, показатель которого за 5 лет увеличился на 15 %.

Для сравнения, Россия занимает в рейтинге 45 место, рост инновационной деятельности которой за идентичный промежуток времени увеличился на 4 %, что обеспечило подъем с 62 позиции. К сильным сторонам государства относятся доступность высшего образования, значительный масштаб внутреннего рынка (6 место в мире) и высокие показатели научной активности. Россия занимает 8 место в мире по числу патентных заявок на полезные модели, поданных национальными заявителями в патентные ведомства страны, и 22 позицию по показателю «Индекс

Хирша для цитируемых документов». Следует акцентировать внимание на том, что по распространению знаний Россия занимает 43 место, а по степени влияния знаний – лишь на 111 месте [30].

В то же время государство имеет значительные проблемы в законодательной базе и правовой среде. Следует также учитывать постоянно действующий антитеррористический режим, препятствующий распространению и привлечению инноваций.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие проблемы формирования и развития цифровой экономики в России:

1. Недостаточно высокий уровень образования и науки.

В современную цифровую эпоху образовательные организации должны стать ключевыми драйверами подготовки квалифицированных кадров, обладающими цифровыми навыками. Система образования России реализовывает свой потенциал не в полной мере из-за несоответствия сложившейся структуры образовательных программ актуальным требованиям цифровой экономики. Если сравнивать долю специалистов по ИКТ (в процентах от общей численности занятых) в разных странах, то в России она составляет 1,5 %, тогда как в Финляндии – 6,6 %, Великобритании – 5,1 %, Канаде – 4,7 %, США – 4,1 %, Франции – 3,8 %, Германии – 3,7 %, Чешской Республике – 3,5 %, Республике Корея – 3,0 %, Италии – 2,6 % [31, с. 69]. Во многих вузах используются устаревшие модели Университета 1.0 или 2.0, в то время как в развитых странах внедряются модели Университета 4.0 [32, с. 62].

Основной причиной стагнации уровня научных исследований является систематическая потребность не в качестве материала по исследовательским проблемам, а в количестве опубликованных результатов. Также в России сохраняется относительно небольшая доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП, которая в последние годы составляла около 1 % от ВВП страны, что соответствует 33 позиции в рейтинге Глобального индекса инноваций 2018 г. В Канаде доля внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП составляет 1,61 %, в Китае – 2,1 %, в Германии – 2,9 %, у лидера (Израиля) – 4,3 % [33]. Данный показатель обуславливает обеспеченность научно-исследовательской деятельности финансовыми ресурсами. Низкое значение данного показателя объясняется недостаточной заинтересованностью российского бизнеса в разработке цифровых технологий – доля расходов бизнеса на НИОКР в России составила в 2015 г. – 26,5 %, 28,1 % в 2016 г., что значительно меньше, чем в таких инновационных государствах, как Германия (более 65 %), Китай (почти 75 %) или Япония (78 %) [34, с. 29].

2. Неготовность бизнеса к цифровой трансформации.

Несмотря на создание прочной платформы цифрового скачка [11], существует объективное противоречие между целями государства и готовностью общества. Исходя из проведенного экспертами Strategy Partners опроса, большинство российских компаний (91 % от опрошенных респондентов) не только функционируют по устаревшей бизнес-модели, но и не располагают стратегией цифровизации своего бизнеса (96 % предприятий). Более 65 % опрошенных компаний не имеют специального центра компетенций по цифровой трансформации, а у 71 % организаций доля «цифровых» инвестиций составила менее 5 %. Кроме того,

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

26 % компаний просто не видят эффекта от внедрения цифровых и информационно-коммуникативных технологий, а 30 % обозначили, что недостаточно обладают цифровыми навыками и компетенциями, 17 % респондентов отметили, что острой проблемой является нехватка квалифицированных кадров [35].

3. Неравномерное развитие регионов.

В рамках построения цифровой экономики данная проблема проявляется в доступе общества к ИКТ и интернету. Например, в 2018 года в некоторых регионах страны существует потребность в компьютерных средствах (Томская область – 85,3 %, Республика Тыва – 88,1 %, Курганская область – 88,9 %, Республика Дагестан – 67,7 % и др.). Значительная часть населения имеет компьютеры с устаревшими процессорами, не поддерживающими нынешнее программное обеспечение [36]. Также во многих отдаленных регионах, преимущественно сельской местности и слаборазвитых дотационных регионах, доступность широкополосного доступа в интернет существенно ниже, чем в развитых регионах (в 2018 г. доступ к интернету имели 76,6 % россиян) [37].

4. Отсутствие прочной нормативно-правовой базы.

В России принят ряд документов, регламентирующих развитие цифровой экономики. Однако на данный момент отсутствует единая согласованная законодательная база, несмотря на интенсивную работу по усовершенствованию правового регулирования [38, с. 28]. Необходимы не только точечные изменения в отдельных нормативно-правовых актах, но, в первую очередь, системные поправки базовых отраслевых законов ГК РФ, АПК РФ, ГПК РФ, ТК РФ и др. [39].

5. Непривлекательный инвестиционный климат.

Сложная международная обстановка в совокупности с внешнеполитическим давлением оказывают деструктивное воздействие на инвестиционные ожидания. Это сказывается на технологических и инновационных предприятиях, доля которых незначительна в масштабе сырьевого характера экономики России. Недостаток финансирования ключевых драйверов развития цифровой экономики из внешних источников создает дополнительные риски цифрового развития и усиливает давление на бюджет государства.

ВЫВОДЫ

Выявленные на основе авторского анализа проблемы необходимо учитывать в качестве барьеров дальнейшего развития цифровой экономики и экономического роста государства в целом. Принимая во внимание совокупность внешних и внутренних факторов, положительные изменения в краткосрочной перспективе представляются возможными только при минимизации воздействия указанных признаков сегментарного кризиса цифрового развития государства. Особое значение необходимо уделять макрорегиональной гегемонии государства, статус которой может быть изменен по мере роста цифровой экономики.

Более того, указанные дисбалансы экономической цифровизации имеют структурно-системный характер, что усложняет процесс их устранения. Перспективы экономического развития государства в данном направлении предполагают

системную трансформацию национальной экономики, предусматривающую необходимость корректирования стратегии экономических действий с учетом всесторонних особенностей и потребностей России.

Список литературы

1. Науменко Р. В., Никитина М. Г. Приоритетные направления развития внешнеторговых отношений РФ и Индии // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2014. № 4. С. 118–128.
2. Добрынин А. П., Черных К. Ю., Куприяновский В. П., Куприяновский П. В., Сиягов С. А. Цифровая экономика – различные пути к эффективному применению технологий (BIM, PLM, CAD, IOT, Smart City, BIG DATA и другие) // ArcReview. 2015. № 2 (73). С. 34–37.
3. Индикаторы цифровой экономики: 2018: статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Г. Л. Волкова, Л. М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 268 с.
4. Иванов В. В., Малинецкий Г. Г. Цифровая экономика: от теории к практике // Инновации. 2017. № 12. С. 3–12.
5. Попов Е. В., Сухарев О. С. Цифровая экономика: «иррациональный оптимизм» управления и финансирования // Экономика. Налоги. Право. 2018 № 11 (2). С. 6–17.
6. Кошевенко С. В. Цифровизация трансформации мировой экономики // Экономический журнал. 2018. № 3 (51). С. 77–92.
7. Рихтер К. К., Пахомова Н. В. Цифровая экономика как инновация XXI века: вызовы и шансы для устойчивого развития // Проблемы современной экономики. 2018. № 2. С. 22–23.
8. Сулова А. Н., Ерохина Е. В. Положение России в цифровом мире: анализ программы «цифровая экономика 2017» // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <http://eduherald.ru/ru/article/view?id=18793>
9. Манахова И. В. Цифровое будущее и глобальная экономическая безопасность // Экономическая безопасность и качество. 2018. № 1. С. 6–11.
10. Кадомцева С. В., Манахова И. В. Современная парадигма социально-экономического развития. Часть I. Информационная революция // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2017. № 5 (69). С. 17–23.
11. Хохлов Ю. Е., Рудковская А. Цифровая экономика в России: ключевые результаты оценки готовности страны к цифровой экономике // Конкуренция в цифровую эпоху: Стратегические вызовы для Российской Федерации. 2018. С. 1–23.
12. Розов Н. С. Геополитика, геоэкономика и геокультура: взаимосвязь динамических сфер в истории России / Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 107–121.
13. Российская Федерация в современном геоэкономическом пространстве: коллективная монография / под ред. М. Г. Никитиной. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. 349 с.
14. Шатило Ю. Е., Копкова Е. С. Занятость и безработица в условиях цифровой экономики // Теория. Практика. Инновации. 2017. № 10 (22). С. 66–77.
15. Цифровая Россия: новая реальность. 2017. 133 с.
16. Maddison Project Database 2013 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/historicaldevelopment/maddison/releases/maddison-project-database-2013>
17. Отчет Boston Consulting Group «Россия онлайн». 2016. 56 с.
18. Ленчук Е. Б., Власкин Г. А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9–21.
19. Годовой отчет государственной корпорации «Ростех» за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: <http://ar2016.rostec.ru/digital-g20/>
20. IMD World digital competitiveness ranking. 2017. 180 с.
21. IMD World digital competitiveness ranking. 2018. 178 с.
22. Чжан Д. Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области // Власть. 2017. № 9. С. 37–43.
23. The IMF working paper. The Russian State's Size and its Footprint: Have They Increased? 2016. 29 p.

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАТИКЕ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ...

24. Доклад Федеральной антимонопольной службы о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2016 год. 739 с.
25. Россия в рейтинге развития ИКТ: 2016 [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/data/2016/11/30/1112652859/NTI_N_30_30112016.pdf
26. Международный союз электросвязи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int>
27. Measuring the Information Society Report 2017. 2017. 154 с.
28. Омелай А. Ю. Развитие информационно-коммуникационных технологий в России и ее регионах (на примере Мурманской области) // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 47 (188). С. 42–46.
29. Экспресс-информация Высшей школы экономики «Цифровая экономика». 2017. 4 с.
30. The Global Innovation Index 2017. 2017. 463 с.
31. Цифровая экономика: краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, А. В. Демьяненко и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 96 с.
32. Карпов А. Современный университет как драйвер экономического роста: модели и миссии // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 58–76.
33. Global Innovation Index 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2018-report#>
34. Национальный индекс развития цифровой экономики: Пилотная реализация. М., Госкорпорация «Росатом», 2018. 92 с.
35. Исследование Strategy Partners Group [Электронный ресурс]. URL: <https://strategy.ru/>
36. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/
37. Стрижов С. А. Барьеры и риски цифровой экономики // Управление экономическими системами. 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://www.uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=5330
38. Симченко Н. А., Нестеренко Е. С. Структурные особенности социальных институтов развития цифровой экономики // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2018. № 3. С. 24–33.
39. Вайпан В. А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. 2017. № 11. С. 5–18.

Статья поступила в редакцию 16.09.2019